

В. К. БЛЮХЕР

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОТРЯДЫ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН И КАЗАКОВ ЮЖНОГО УРАЛА В БОЯХ ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ ¹

Мне кажется, что ваше ознакомление с историей 30-й стрелковой дивизии необходимо начать с изучения боевых действий революционных отрядов вооруженных рабочих и солдат, вставших на защиту Великой Октябрьской социалистической революции на Южном Урале — в Троицке, Челябинске, Верхне-Уральске и Оренбурге. Это были первые самоотверженные борцы за Советскую власть против контрреволюционной дуготщины.

Урал стал колыбелью 30-й стрелковой дивизии, которая прошла героический путь от Урала до Байкала и от Байкала до Крыма. Можно смело сказать, что рабочие, беднейшие крестьяне и казаки основали эту дивизию. Здесь, в 30-й дивизии, я начал свою военную работу. Костяком этой дивизии были южноуральские рабочие боевые отряды.

* * *

Февральская революция 1917 года застала меня в г. Петровском, где я работал слесарем-мотористом на

¹ Сокращенная стенограмма выступления В. К. Блюхера 22 ноября 1935 года на встрече с писателями, работавшими над историей 30-й стрелковой дивизии.

Публикуемая стенограмма выступления В. К. Блюхера хранилась у В. С. Русяева. В. К. Блюхер в 1936 году переслал ее Русяеву для некоторой правки и «расшифровки» отдельных мест (даты, цифры). В. К. Блюхер в своем выступлении несколько раз ссылаясь на В. С. Русяева как одного из непосредственных участников рейда Блюхера, хорошо знакомого со всеми деталями этого исторического события.— *Прим. ред.*

маслобойном заводе, куда я попал после забастовки на заводе Остермана в г. Казани.

Сразу же после Февральской революции я поехал в Самару искать работы на большом Иващенко-Иващенко-Иващенко трубочном заводе. Прибыв в Самару и явившись в горком РСДРП(б), я получил направление в 102-й запасный полк. С большим трудом благодаря полученным на фронте георгиевским крестам и медалям мне удалось попасть добровольцем в 102-й запасный полк.

В апреле 1917 года я стал членом полкового комитета, а в августе его председателем и одновременно заместителем председателя военной секции Самарского городского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

9 ноября в Самаре образовался Военно-революционный комитет, председателем которого был избран В. В. Куйбышев. Меня, как представителя гарнизона, избрали членом этого комитета.

Кроме работы в Военно-революционном комитете, я был председателем полкового комитета 102-го запасного полка, помощником комиссара Самарского гарнизона, начальником губернской охраны революционного порядка (по борьбе с контрреволюцией). Такое множество должностей в то время считалось нормальным явлением.

22 ноября 1917 года меня вызвали к председателю Самарского губернского Военно-революционного комитета В. В. Куйбышеву. В. В. Куйбышев уделял много внимания организации пролетарских вооруженных сил, созданию рабочих вооруженных отрядов для борьбы с поднимавшейся контрреволюцией. Поэтому вызов меня как члена Ревкома, занимавшегося военными делами, к товарищу Куйбышеву я считал обычным вызовом. Но как только В. В. Куйбышев начал беседу, я понял, что на этот раз приглашение меня в Ревком имеет особое значение.

В. В. Куйбышев внимательно и пронизывающе посмотрел на меня своими светло-голубыми глазами и сказал: «Товарищ Блюхер, Ревком решил послать вас в качестве комиссара вооруженного отряда для освобождения Челябинска. Мы только что получили задание из Центрального Комитета от товарища Ленина и остановили свой выбор на вас. Поручение чрезвычайно ответствен-

ное, поэтому я хотел поговорить о нем с вами лично. Дутов, захватив Оренбург, отрезал Среднюю Азию от центра, сейчас дутовские отряды окружили Челябинск и создают угрозу движению продовольственных поездов на запад, к Москве и Петрограду. Центральный Комитет принимает меры к ликвидации челябинской пробки. Посылаются отряды из Петрограда и Урала. Нам поручено выделить не менее 500 человек с артиллерией из революционных полков и вновь созданных рабочих отрядов. Вы в качестве комиссара отряда должны обеспечить эту чрезвычайно важную операцию».

Это предложение было настолько неожиданным, что я растерялся. Молчал. Но для меня было одно ясно — отказываться как-то неудобно, но и справиться с такой большой задачей мне, рядовому солдату, казалось очень трудным. В. В. Куйбышев, заметив мое смущение, сказал: «Ничего, поможем, держите только с нами связь. Выступить нужно через сутки. Подберите отряд, укрепите его солдатами большевиками и двигайтесь».

С Самарским отрядом я выступил 24 ноября. Мог ли я тогда думать, что это поручение партии будет началом моей военной деятельности и навсегда свяжет меня с родной Красной Армией?

27 ноября мы прибыли в Челябинск. Белогвардейцы были весьма беспечны. Расставив вокруг города свои отряды, они не ожидали прибытия нашего эшелона. При содействии железнодорожников мы ехали вплоть до Челябинска под видом демобилизованных с фронта солдат. По прибытии в Челябинск наш эшелон был поставлен в один из дальних тупиков. Мы спокойно выгрузились. Нас радушно встретили представители Челябинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов товарищи Елькин, Васенко и другие.

Прибыв в Челябинск, мы тем самым положили начало освобождению Челябинска от белых. Белоказаки есаула Титова не могли оказать нам серьезного сопротивления: им было известно, что челябинский гарнизон — солдаты 106-го и 109-го пехотных полков — на стороне Советов; узнав о том, что прибыл также Самарский отряд с артиллерией, белые отошли.

В Челябинске наряду с Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов существовал также «комитет спасения» во главе с эсерами и меньшевиками.

3 декабря (20 ноября старого стиля) в Челябинске был создан Военно-революционный комитет во главе с товарищем Галактионовым — представителем Самарского губисполкома. Мы приняли энергичные меры к установлению в городе революционной власти, очищению аппарата от соглашателей — эсеров и меньшевиков. Это было сделано в несколько дней. В Челябинск из Златоуста и с ряда уральских заводов стали прибывать рабочие вооруженные дружины, посланные сюда для борьбы с Дутовым. 16 декабря сюда же прибыл и Северный летучий экспедиционный отряд мичмана Павлова в составе 17-го Сибирского стрелкового полка и отряда моряков балтийцев, посланный из Петрограда В. И. Лениным. Собралось всего около трех—четырёх тысяч человек. Наиболее организованным был Северный экспедиционный отряд. С приходом отрядов в Челябинск Самарский отряд был отозван в Самару, а большая часть его состава демобилизовалась и разъехалась по домам. Мне было предложено оставаться в Челябинске в составе Военно-революционного комитета.

В связи с отъездом председателя Военно-революционного комитета Галактионова в Самару в начале декабря я был избран председателем Челябинского Военно-революционного комитета.

Надо сказать, что обстановка на Урале к этому времени была очень сложной. Как только в Москве и Петрограде совершился октябрьский переворот, на Южном Урале немедленно взяли власть обновленные, большевистски настроенные Советы рабочих и солдатских депутатов. Революция на Урале развертывалась очень быстро, так как широкие массы трудящихся оказались уже подготовленными к этому большевистской партией.

Во многих городах Урала и Зауралья переход власти в руки Советов был вполне закономерным развитием событий последних месяцев. Широкие массы рабочих и солдат немедленно поддержали социалистическую революцию и большевистские Советы.

В первые дни установления диктатуры пролетариата на Урале эсеры и меньшевики почти не оказали никакого сопротивления. Агенты буржуазии растерялись. Но спустя немного времени они начали выступать против победившей социалистической революции. Однако власть находилась в крепких руках Советов. На стороне Советов были

вооруженные силы, революционно настроенные солдатские и казачьи полки и созданная Советами Красная гвардия.

Только в одном Оренбурге благодаря наличию школы прапорщиков и юнкерского казачьего училища офицерству и юнкерам удалось под руководством атамана Дутова разогнать Совет рабочих и солдатских депутатов и захватить власть в свои руки. И только после того как были демобилизованы солдаты и казаки Оренбургского гарнизона, опираясь на юнкеров, офицерство и контрреволюционно настроенные верхи казачества, Дутов начал распространять свою власть на всю территорию Оренбургской губернии.

Вначале дутовцы действовали нерешительно. Их было мало. Они не имели поддержки в широких народных массах. Особенно осторожно они вели себя в тех городах, где во главе Советов стояли большевики, опиравшиеся на революционно настроенные солдатские и казачьи полки и рабочих заводов.

Мало Дутову помог и оренбургский эсеро-меньшевистский «комитет спасения», за который он хотел укрыться, как за ширму.

К середине ноября Оренбург захватили дутовские войска. Вокруг Челябинска стали разъезжать белоказачьи отряды. В г. Троицке хотя и был революционный Совет рабочих и крестьянских депутатов, руководимый большевиками, но он был беспомощен; фактически власть в городе принадлежала Городской думе, поддерживаемой атаманом третьего казачьего отдела Токаревым. Но атаман боялся арестовывать большевиков, так как на их стороне были 131-й запасный полк во главе с большевиком Васильевым и революционно настроенные 6-й и 9-й казачьи полки.

На всей территории бывшего Оренбургского казачьего войска шла энергичная вербовка казаков в дутовские отряды. Вербовались в первую очередь зажиточные казаки, урядники, кулацкие сынки. Сюда же стекались казачьи офицеры, изгнанные из революционных полков.

Подготовка белогвардейских вооруженных сил на Урале началась еще задолго до Октябрьских событий. Временное правительство после корниловщины направило Дутова в г. Оренбург, как правительственного комиссара по продовольствию в районе Оренбургской губер-

нии и Тургайской области. Таким образом, в лице Дутова соединялась власть наказного атамана Оренбургского казачьего войска и правительственного комиссара. Это было одно из мероприятий Временного правительства по организации контрреволюционных сил на юго-востоке России. Керенский надеялся на помощь оренбургских казаков в борьбе с рабочими, в борьбе с революцией. После Великой Октябрьской социалистической революции Дутов отдает приказы о формировании белогвардейских «добровольческих» частей.

Челябинский Военно-революционный комитет поставил перед собой задачу отбросить белоказачьи отряды от Самаро-Златоустовской железной дороги и обеспечить бесперебойную доставку продовольствия в центр страны. Эта задача была нами решена. Северный экспедиционный отряд 6 января 1918 года прибыл в г. Троицк. Занятие Троицка лишило дутовцев организационного центра по руководству казачьими отделами и заставило их искать себе пристанища в глухих казачьих станицах, таких, как Кособродская и другие.

Успешные действия по ликвидации дутовщины в районе Троицк — Челябинск позволило освободить часть наших вооруженных сил и перебросить их на борьбу с Дутовым в Оренбург. По распоряжению центральных организаций 10 января из Троицка под Оренбург был направлен во главе с Павловым отряд моряков из состава Северного экспедиционного отряда. Для несения гарнизонной службы в Троицке был оставлен 17-й Сибирский полк.

Оренбург был взят. 18 января 1918 года Дутов со своими приспешниками бежал из Оренбурга в направлении к Верхне-Уральску, куда он прибыл в конце января. С прибытием Дутова в г. Верхне-Уральск оживилось контрреволюционное казачество в районе Троицка. В марте 1918 года дутовцы несколько раз пытаются атаковать Троицк. Наконец, им удается его окружить. Они прерывают связь с Челябинском, разрушают железную дорогу Троицк—Челябинск и вновь пытаются угрожать Самаро-Златоустовской железной дороге.

Чтобы ликвидировать дутовщину в этом районе, центральные организации дают указание Уральскому областному военному комиссару выделить несколько вооруженных отрядов с уральских заводов и направить их в район Челябинска для освобождения от белогвардейцев Троиц-

кого и Верхне-Уральского уездов и всей Оренбургской губернии. Руководство этими операциями было возложено на меня. Эту задачу вооруженные отряды уральских рабочих в течение двухнедельных боевых действий выполнили.

Проведя одновременно наступление из Троицка и Белорецка на Верхне-Уральск, привлекая на свою сторону беднейшее крестьянство и казаков-фронтовиков, нашим отрядам удалось изгнать Дутова из Оренбургской губернии. Но ликвидировать его живую силу полностью мы, к сожалению, не смогли. Дутовцы, почувствовав окружение в районе станиц Краснинской и Капельской, не приняв боя, бежали в южном направлении. Наступившая весенняя распутица не позволила преследовать их, и они, разбившись в Тургайской области на маленькие группки, разошлись в разных направлениях.

Красные отряды, преследовавшие Дутова, были возвращены к месту своих постоянных стоянок. Этим воспользовался Дутов. Лишь только окончилась весенняя распутица, он в мае 1918 года вновь стянул свои разрозненные отряды под Оренбург.

28 апреля я был вызван из Троицка в Екатеринбург для доклада Уральским областным организациям о ликвидации дутовщины.

8 мая я получил задание отправиться во главе Уральского отряда для освобождения Оренбурга, который дутовцы окружили, вновь прервав связь с Туркестаном. У меня тогда вскрылись раны, и я лежал в Екатеринбургской больнице.

10 мая я прибыл к Уральскому областному военному комиссару Ф. Голощекину, который предложил мне ехать на фронт под Оренбург. Я спросил — с чем ехать? Мне ответили, что выделяются Челябинский отряд шахтеров «народных угольных копий» под командованием Елькина, Екатеринбургский эскадрон, Челябинская батарея, сформированная из железнодорожников Челябинского узла, и только что сформированный в Екатеринбурге 1-й Уральский полк Красной Армии, состоявший из рабочих добровольцев и кадровых офицеров старой армии.

Последний факт надо особо отметить в своих книгах. Мы приглашали на работу в Красной Армии царских офицеров, заключали с ними договоры на шесть месяцев. По истечении шести месяцев они имели право уйти туда,

куда им хотелось. В 1-м Уральском полку командирами рот, батальонов, команд были кадровые офицеры старой армии (как тогда их называли «военспецы» — военные специалисты), но не было военкома (политического комиссара). Полк был хорошо сформирован и неплохо дрался. Это был 1-й Уральский регулярный полк Красной Армии, который был сформирован Уральским военным комиссариатом. Вторым полком Красной Армии на Урале был создан 17-й Уральский полк, формировавшийся в г. Троицке. Его история совершенно другая, но очень интересная, и писателям ею следует специально поинтересоваться и описать.

12 мая мы погрузили в эшелоны 1-й Уральский полк, Екатеринбургский эскадрон и двинулись в Челябинск, где к нам присоединились остальные части отряда.

Я помню, когда мы выезжали из Челябинска, нам было дано задание следовать в Оренбург через Кинель, чтобы разорвать окружение белых вокруг Оренбурга и установить Советскую власть.

Подъехали к Бузулуку. Белоказаки заняли всю железнодорожную линию почти от Бузулука до Оренбурга. К Оренбургу проехать было невозможно. Тогда я был молодым человеком, военного дела еще не знал. Вызвав на совещание товарищей, сказал, что надо прорваться. Со мною согласились, и мы стали прорываться.

Как сейчас помню, подъезжая к одной станции, мы увидели, что дальше ехать нельзя, выскочили из вагонов, и вдруг из высокого здания по нас была открыта пулеметная стрельба. Вы представляете себе, что получилось бы, если бы люди были малоорганизованы, когда справа и слева стреляли. Вот тут необходимо отметить один из эпизодов, показательный для офицерской группы. Командовал батальоном Павлищев; противника не видно, а люди падают, кругом стреляют. Что же делать? Вдруг слышу спокойный уверенный баритон: «Батальон, становись, смирно! Винтовки на руку, вперед за мной!» — И пошли в атаку.

В Кинели я встретился с рядом других отрядов, двигавшихся по заданию центральных организаций тоже в Оренбург. В чрезвычайно тяжелых условиях почти эшелонной войны мы продвигались к Оренбургу.

23 мая мы подошли к осажденному Оренбургу и установили связь с его восставшим гарнизоном. Предстояла

В. К. Блюхер, 1918 год

большая работа по окончательной ликвидации белоказачков в районе Оренбурга. Способы борьбы против белых, которые применялись некоторыми нашими товарищами, мною не разделялись. Я был сторонником организации в оренбургских казачьих станицах отрядов из революционных солдат-фронтовиков. Некоторые товарищи смотрели на казаков как на единую контрреволюционную массу, совершенно не дифференцируя ее. Они предлагали провести ряд карательных экспедиций для расправы с непокорным казачьим населением. Мой план, основанный на опыте освобождения от дутовского влияния Троицкого и Верхне-Уральского уездов, не был принят.

Товарищи, не согласившиеся со мной, предприняли несколько экспедиций, но каждый раз эти экспедиции возвращались обратно без реальных результатов, так как белогвардейские конные части обычно уходили из-под удара. Политическая же работа среди населения не проводилась, не организовывалась беднота, не вербовались на сторону Советской власти революционные фронтовики.

Поэтому, как только экспедиция, не встретив белых частей, возвращалась обратно в Оренбург, в тех станицах, где она побывала, тотчас же появлялись белые казаки и продолжали свою контрреволюционную работу.

* * *

С 26 мая стали поступать сведения, что Челябинск, Пенза захвачены белочешскими войсками. Точных данных о целях и задачах движения белочехов у нас не было. К этим событиям мы отнеслись чрезвычайно спокойно, предполагая, что чехословацкие выступления — это только небольшие местные эпизоды, которые будут скоро ликвидированы.

В начале июня к Оренбургу стали подходить части Верхне-Уральского и Белорецкого отрядов под руководством Н. Каширина, двигавшиеся из Верхне-Уральска через Магнитную, и Уфимских отрядов, подходивших по тракту Уфа—Оренбург, под командованием М. В. Калмыкова. Движение этих отрядов было чрезвычайно важным, так как по существу они проходили (особенно Каширинский отряд) по территории, наиболее зараженной белоказачьим движением.

Оренбургский гарнизон, не получая указаний от Самарского штаба, в течение месяца бездействовал. Как потом оказалось, во главе Самарского штаба находился предатель Яковлев. Стали поступать сведения, что к Оренбургу по железной дороге от Кинели начали двигаться чешские эшелоны. В середине июня мы еще поддерживали телеграфную связь с Троицком и Верхне-Уральском, оттуда получили сведения, что белочехи развивают активные действия в направлении Челябинск — Троицк. Связи с Центром не было.

Командование войсками, сосредоточенными в районе Оренбурга, после больших споров с большинством «главкомов» других отрядов, по моему настойчивому требованию перешло к Георгию Васильевичу Зиновьеву. Для того чтобы предотвратить движение чехословаков на Оренбург, Г. В. Зиновьев предложил мне 23 июня отправиться на помощь нашим отрядам, действовавшим под Бузулуком. Однако до Бузулука дойти нам не удалось, на пути мы встретили панически отступающие части, защищавшие Бузулук.

Чувствуя, что наше влияние распространяется только на ту территорию, где двигаются наши эшелоны, а тыл насыщен белоказачьими отрядами, которые то и дело разрушали железнодорожный путь между нашими эшелонами и Оренбургом, я принял решение отвести свои части к Оренбургу.

Казачье население, воодушевленное победами чехословаков под Самарой и вдохновляемое офицерскими агитаторами, стало активнее помогать дутовцам. Вести в таких условиях борьбу с чехословаками, когда тыл был ненадежным, чрезвычайно трудно.

Основной реальной силой в Оренбурге был 1-й Уральский полк, который вместе с Уфимским, Верхне-Уральским и Оренбургским рабочими отрядами был тем звеном, из которого складывалась более или менее организованная военная сила. В Оренбурге мы пробыли около месяца, дрались с белоказаками.

Я должен сказать правду, что мы в то время не сумели для себя использовать социальные явления и процессы, которые происходили у местного населения. Мы плохо использовали казачью бедноту — казаков-фронтовиков, которые были настроены революционно, шли за Лениным,

хотели защищать Советскую власть и бороться против офицеров, генералов и кулаков.

Это были казаки, главным образом молодежь, прибывшая с фронта, которая под влиянием развернувшихся событий, агитации нашей партии, всей работы, развернутой В. И. Лениным и Центральным Комитетом нашей партии, готова была идти для поддержки Советской власти. Мы не опирались на переселенцев, или, как их называли казаки, иногородних, которые могли быть надежной силой, на которую можно было опереться Советской власти. Это были переселенцы из других частей страны, которые искали земельные участки. Они шли в Оренбургскую область и работали в качестве батраков или арендаторов казачьих наделов у кулаков казаков.

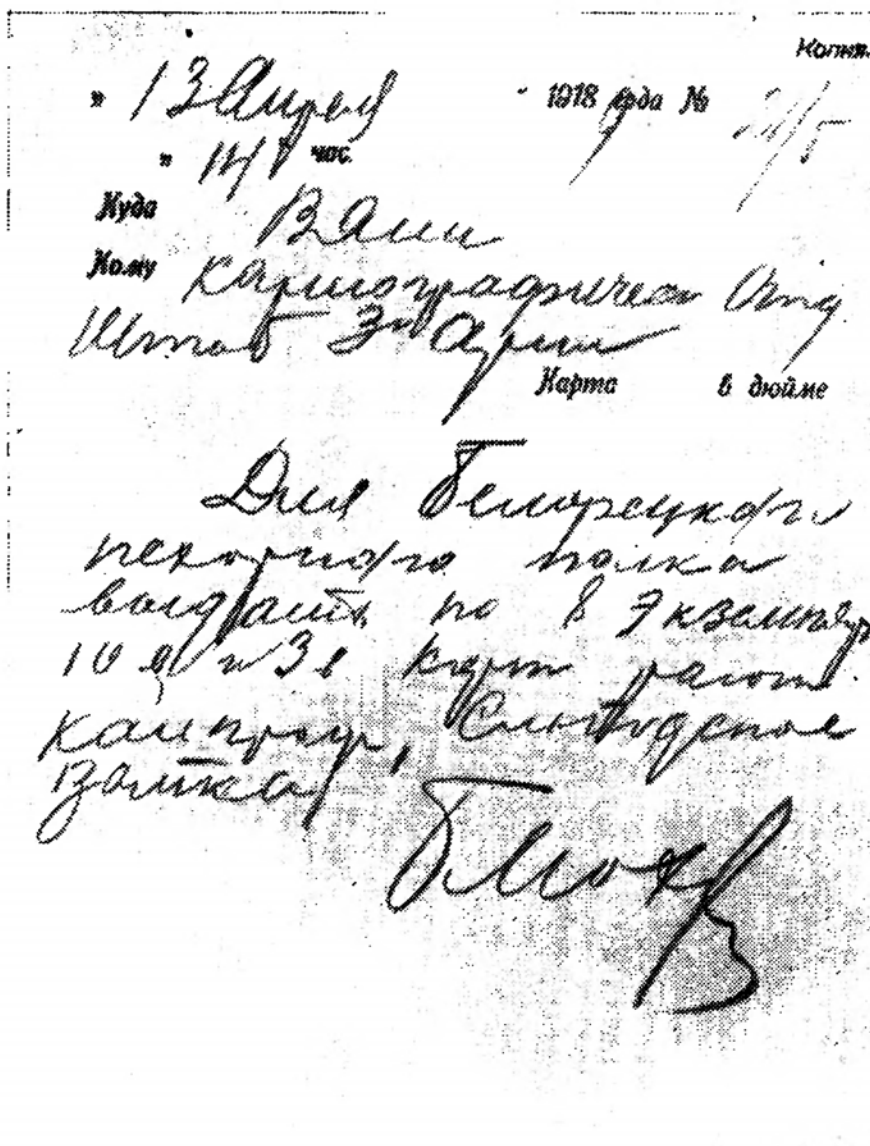
Я помню, белочехами была занята Самара, их войска продвинулись до Бузулука, там было оказано наиболее активное сопротивление. Там нас побили. Положение сошло тяжелое... В то время было бесконечное количество «главкомов». Каждая область, каждый район посылали свои вооруженные отряды, назначали своих главкомов. Уфимцы назначили своего главкома для того, чтобы показать, что они тоже вкладывают свою лепту в это дело.

Помню как сейчас, к нам в Оренбург приехал товарищ Кобозев, который привез директиву драться за Оренбург и Туркестан. Все те, кто вернулся из Бузулука, не могли защищать Оренбург — люди были морально угнетены.

Когда встал вопрос относительно защиты Оренбурга с дезорганизованными отдельными отрядами, с большим количеством главкомов, то мы поняли, что это почти невозможно. Это была армия, сколоченная из отдельных отрядов (до 20 отрядов), но плохо организованная и сплоченная. Там были казаки, рабочие, крестьяне, моряки.

Прибыв из-под Бузулука в Оренбург, я потребовал созвать совещание командного состава, на котором решить судьбу наших отрядов. За это время мы потеряли связь с Троицком, Верхне-Уральском и даже Уфой. Нам было неизвестно, что делалось в районе Самаро-Златоустовской железной дороги.

На совещании у командующего Г. В. Зиновьева большинство командиров высказалось за то, чтобы эвакуировать Оренбург и отвести все части в Туркестан.

Распоряжение В. К. Блюхера о выдаче топографических карт

Считая это линией наименьшего сопротивления, я, Н. Д. Каширин и М. В. Калмыков решили со своими отрядами двигаться в район Челябинска, чтобы помогать Красной Армии в ее борьбе с белочехами. Это решение было мной доведено до сведения бойцов. Я предупредил их также о тяжелых условиях похода.

Собрав людей, я сказал им, что надо двигаться на Урал для борьбы за освобождение Родины, заводов, городов. У нас в отряде была своя партийная организация, законно оформленная.

Бойцы полностью поддержали мое предложение, зная, что предстоят большие трудности. Они дали согласие идти на север — по территории, захваченной белочехами и белогвардейцами, на освобождение Урала.

В течение двух—трех дней мы обеспечили эвакуацию в Туркестан, но, когда был дан приказ двигаться дальше на Туркестан, я отказался его выполнять. Я заявил, что иду от Оренбурга на север с тем, чтобы пробраться к основным индустриальным центрам уральского пролетариата.

К тому времени я познакомился с командиром Верхне-Уральского отряда Н. Д. Кашириным, который привел с собой 400—500 казаков, вернувшихся с фронта и абсолютно надежных. Такой же точки зрения держался и командир Уфимского отряда М. В. Калмыков.

Все они были за поход на север, но по другим соображениям. Там были их жены и дети. Они считали, что приход туда даст большое численное пополнение отряда. Мы двинулись на север.

Трудно сказать, кто тогда командовал, но дисциплина была крепкая. Вопросы решались больше коллективом. Официально командовал отрядом я, но я ничего не предпринимал, не посоветовавшись с партийной организацией и с рабочим костяком.

Боевой состав частей к моменту выступления отрядов из Оренбурга был следующим:

1. Уральский отряд (командующий отрядом В. К. Блюхер):

а) 1-й Уральский стрелковый Красной Армии полк (командир полка Павлицев). Численность полка: бойцов — 800, нестроевых — 120, пулеметов максима — 4, кольта — 8, авторужей — 4, лошадей — 145, винтовок — 1200;

б) Екатеринбургский отдельный эскадрон: бойцов — 60, винтовок — 60, авторужей — 2, лошадей — 90;

в) 2-я Челябинская батарея: орудий — 4, трехдюймовых зарядных ящиков — 3, снарядов — 1800, бойцов — 75, лошадей — 90.

2. Южный отряд (командующий Н. Д. Каширин):

а) конная сотня (Липин): бойцов — 162, винтовок — 180, пулеметов — 2, лошадей — 176;

б) конная сотня (Мишин): бойцов — 155, винтовок — 190, пулеметов — 2, лошадей — 190;

в) пеший отряд (Мамыкин): бойцов — 195, винтовок — 210, пулеметов — 5, лошадей — 45.

Когда мы приняли твердое решение идти на север, то товарищ Кобозев сказал: «Куда ты пойдешь? Идешь

в область, которая объята казачьим восстанием». Но нам тогда казалось, что нет такой силы, которая нас может разбить.

* * *

1 июля мы двинулись в поход. Направление выбрали через Ак-Мечеть, Магнитную, Верхне-Уральск и далее в зависимости от обстановки на север или по рабочим районам Урала через Юрезань, или через район Златоуста.

Во время движения мы получили сведения, что Верхне-Уральск оставлен красными. По дороге в полосе 50—60 километров мы рассылали надежных агитаторов, которые привлекали в наши ряды всех революционно настроенных трудящихся, желавших с оружием в руках защищать советскую власть. К нам вливались бойцы добровольно; шли одиночки и организованные группы. В отряд вливались рабочие приисков, небольших заводов, сел, станиц. По пути движения наши отряды значительно выросли.

Подходя к Авзяно-Петровскому заводу мы получили сведения, что в Белорецке имеются части Красной Армии. Одновременно от Стерлитамака к Белорецку двигался Стерлитамакский гарнизон с огромным обозом промышленных товаров, присланных центральным правительством в Уфу для обмена на хлеб, и с небольшим запасом оружия. Шли мы осторожно, не зная, что делается рядом. Но у нас была твердая уверенность, что дело В. И. Ленина непобедимо, что где-то есть главные силы Красной Армии, с которыми нам нужно соединиться.

Проходя по южным отрогам Урала, впитывая в себя все новые и новые силы, 16 июля 1918 года мы встретились в Белорецке с другими отрядами Красной Армии, отступившими от Троицка и Верхне-Уральска.

Нас собралось в Белорецке около 10 тысяч человек. По своему составу наши отряды были интернациональными.

С первых же дней прибытия нашего отряда в Белорецк мы объединили командование. Первым главкомом был избран Н. Д. Каширин.

В Белорецке мы соединились с двумя другими отрядами. Первым отрядом командовал Николай Дмитриевич Томин. В этом отряде было много большевиков, которые в свое время работали в Троицке. Из Троицка прибыло значительное количество рабочих, украинцев-переселенцев, крестьянской бедноты и т. д.

Вокруг Томина собралось много прогрессивного казачества, которое он вывел в свое время с Румынского фронта и объединил в 1-й Оренбургский революционный казачий имени Степана Разина полк. Был у него и 17-й Уральский полк и шестирудийная трехдюймовая батарея.

У 17-го Уральского полка своя история. Он был сформирован на базе 17-го Сибирского полка, прибывшего в Троицк в составе отряда мичмана Павлова. В 17-м Сибирском полку на фронте под Ригой было расстреляно 16 большевиков, и, когда началась социалистическая революция, весь полк выразил желание бороться с контрреволюцией в Сибири. Он принимал участие в освобождении от белогвардейцев Челябинской области и Троицка. Вместе с коммунистами этого отряда у нас была большая по тому времени партийная прослойка.

В Троицком отряде был батальон интернационалистов — около 300 человек. Большая часть из них мадьяры (венгры), рабочие Будапешта и других промышленных центров Венгрии. Около 70—80 человек было берлинских рабочих социал-демократов и несколько десятков румынских рабочих Бухареста и Плоешти и других национальностей из военнопленных австро-венгерской армии, для которых были дороги судьбы русской революции. Это был очень спаянный, боевой и стойкий батальон добровольцев, не раз в боях Троицкого отряда показывавший чудеса храбрости, выдержки и героизма.

Личность Н. Д. Томина — очень интересная. Этот человек произвел на меня сильное впечатление. Н. Д. Томина — казак, который всюду появлялся с плеткой. В первые дни Октябрьской революции он считал себя левым эсером. Он был человеком изумительной честности, беспредельной храбрости и чрезвычайно упрямый. Он нелепо погиб в бою в Туркестане от выстрела басмача. Томина умел крепко держать в своих руках отряд. Его отряд был исключительно дисциплинированным.

Наконец, казачья молодежь Верхне-Уральского отряда во главе с братьями Кашириными. Я бы не сказал, что взгляды их были оформлены и они сознательно понимали свою роль. Они бунтовали против старых порядков.

Ваня Каширин сейчас совсем другой человек. В 1918 году он был не таким. Это был высокий, молодой, красивый казак. Одевался немного помпезно, носил обя-

зательно красную рубашку, как Степан Разин. Казакам нравились его выступления, правда, не всегда политически верные. Ваня не был тогда коммунистом. Николай Каширин — резкая противоположность Ване Каширину. Он — скромный, сдержанный, умный.

Рабочие Белорецкого завода являлись основной цементирующей силой Верхне-Уральского отряда. В Белорецком полку было 1300 человек. Это то, что легло в основу политической организации Верхне-Уральского отряда, вокруг которого группировалось казачество.

Командовал Белорецким полком Пирожников, очень скромный, внешне мрачный, задумчивый человек.

К нам позже подошли Стерлитамакский и Баймакский отряды. Там имелась меньшая рабочая прослойка, но в ней было много башкир и татар. Это четвертая и пятая единицы. Эти отряды 2 августа я передал Томину, считая, что у него лучше, чем у кого бы то ни было, воспитываются люди и хорошо будут драться.

Командующий всеми отрядами, или, как мы его называли, главком, Н. Каширин решил вести отряд для соединения с главными силами Красной Армии через Верхне-Уральск. Несмотря на мои и Томина предупреждения о бесцельности этого движения, Н. Каширин повел наступление на Верхне-Уральск. Во всех боях, вплоть до Верхне-Уральска, отряды имели успех, но бесцельность этого движения стала очевидной, как только достигли непосредственно Верхне-Уральска.

Из захваченных белогвардейских газет мы узнали, что Екатеринбург 25 июля оставлен Красной Армией. Потеряв в боях больше полутораста человек убитыми и 300—350 ранеными, расстреляв значительную часть своих огнеприпасов, мы вынуждены были после славных боев за Верхне-Уральск отводить отряды к Белорецку обратно. В один из последних боев был ранен в ногу главком Н. Каширин.

2 августа в Белорецке вновь было созвано организационное совещание командного состава, на котором меня выбрали главнокомандующим всеми отрядами.

На этом же совещании я наметил основные задачи, которые стояли перед отрядом: поход через рабочие районы, заводы Южного Урала на соединение с Красной Армией к северу от Самаро-Златоустовской железной дороги.

Имея сведения, что Екатеринбург оставлен 25 июля, и предполагая, что фронт находится где-то около Екатеринбурга, мы думали соединиться с главными силами Красной Армии в районе Таныпа или Красноуфимска.

Предстоял большой и трудный переход. Единственная дорога из Белоречка вела на запад — это был тракт Белоречк-Стерлитамак, проходивший по малонаселенному горному району. Предстояло перевалить через несколько хребтов Южного Урала и через его основной хребет Ала-Тау. Бойцы, проделав с мая месяца значительные переходы и выдержав ряд боев, были хорошо спаяны между собой. За время последних боев командный состав значительно вырос и приобрел опыт командования. Действуя небольшими отрядами, наши части изжили боязнь за свои фланги, и слово «обошли» уже не вызывало паники. К окружению относились спокойно, так как в подобных переделках за время наступления на Верхне-Уральск они были несколько раз, и при умелом руководстве командиров эти окружения белым ничего не давали.

Красные бойцы были уверены в своем превосходстве над белогвардейцами. Это превосходство коренилось в глубокой вере в полную победу социалистической революции. Бойцы понимали, что другого выхода, как только идти вперед на соединение с Красной Армией, нанося поражения белым, у них нет, а движение вперед и победа над белыми зависели от их организованности и умения выполнять порученные боевые задачи.

Во всех отрядах главным костяком были пролетарские части, состоявшие из рабочих Южного Урала, значительная прослойка которых была из членов партии, проводивших большую работу по поднятию настроения и созданию уверенности у бойцов в конечной победе над врагом. У всех было одно желание — как можно скорее соединиться с Красной Армией, влиться в ее ряды и вести дальнейшую борьбу с белыми за власть Советов до окончательной победы. Все только думали о том, что где-то в Москве есть Ленин и что Ленин примет все меры к освобождению Урала и ликвидации белогвардейских и белочешских авантюр.

Из Белоречка мы выступили: головные части 1-го и последние 3 августа. Двигались, преследуемые казаками, которые не отрывались от нас на протяжении всего нашего перехода.

Перевалив Урал и выйдя в район Стерлитамака, белые пытались взять нас в клещи: чехи со стороны Стерлитамака, а белоказаки со стороны Верхне-Уральска.

Разбив наголову под селом Петровское белочехов, отряд быстро совершил фланговый марш вдоль реки Белой и вышел в район Богоявленского завода, занимаемого отрядом Красной Армии под командованием М. В. Калмыкова, пришедшим сюда 4 июля из-под Оренбурга (а уфимские отряды ушли из Уфы 5 июля). Этот небольшой отряд вел героическую борьбу с нападавшими на него белыми и на протяжении почти двух месяцев сумел отбиться от постоянных атак со стороны Стерлитамака и Уфы.

По выходе на западные склоны Урала, приведя себя в порядок после 400-километрового похода, мы решили двигаться дальше. Богоявленцы согласились следовать за нами. Таким образом, число бойцов выросло за счет присоединившихся по пути нашего движения от Белорецка до Богоявленска других мелких отрядов Красной Армии до десяти с половиной тысяч, не считая тылов и беженцев.

Белые решили ликвидировать наш отряд в районе железной дороги. С этой целью они создали вокруг нас несколько отрядов, которые двигались концентрически со всех сторон и одновременно нападая. С юга двигались казачьи части и «добровольческие» полки генерала Ханжина, преследовавшие нас от самого Верхне-Уральска и Стерлитамака с севера от Уфы и с северо-востока от района станции Улутеляк.

Белые понимали, что наше продвижение угрожает их коммуникациям с Самарским фронтом, понимали, что в случае захвата железной дороги мы перерезаем основную магистраль, связывавшую Челябинск — штаб чехословаков с фронтовыми частями, действовавшими в районе Самара—Симбирск—Казань. Поэтому они стягивали против нас значительные силы. Мы двигались в окружении белых, отбиваясь от их ежедневных нападений.

Выдержав несколько серьезных сражений под Зилимом, Ирныкшами, форсировав реку Сим, отряды к концу августа сосредоточились в 20 километрах южнее станции Иглино. Предстояла последняя схватка с белыми: необходимо было перейти железную дорогу и пробить себе путь дальше на север. Эта операция, несмотря на все попытки белых, была проведена нами удачно. С неболь-

шими потерями нам удалось 29 августа захватить станцию Иглино, после чего мы имели возможность свободно двигаться на север.

Белые, потеряв надежду ликвидировать нас в трехречье, между реками Симом, Белой и Уфимкой, пользуясь благоприятными местными условиями, пытаются прижать наши отряды к реке Уфимке в районе Новокулево, Немилярово и Красного Яра. Предстояло форсировать многоводную реку Уфимку. Средств переправы не было. И в то же время белые спешат встретить нас на правом берегу реки Уфимки, для чего отправляют из Уфы несколько башкирских полков, из Бирска — бирский гарнизон, преследуя нас с юга частями, с которыми мы дрались на реке Сим, под ст. Иглино и на разъезде Шакша. На борьбу с нами организуется также и кулачество впереди расположенных сел.

Наш плацдарм сузился до нескольких десятков квадратных километров. Имея в центре тылы, раненых и ограниченный запас патронов, по пяти — десяти штук на бойца, мы выдержали натиск белых, отбросили их, форсировали реку Уфимку, наголову разбили их части, выдвинутые против нас из Уфы, переправили все громоздкие тылы, беженцев, раненых на правый берег Уфимки и в окружении врага продолжали свое движение на север.

В районе с. Тюино-Озерское 13 сентября удалось встретить первые передовые части Красной Армии — 2-й Бирский полк 1-й Бирской бригады 2-й армии Восточного фронта.

Соединившись с Красной Армией, мы форсированно двинулись в район Кунгур-Сабарка и пришли туда вовремя, так как части 3-й армии под давлением превосходящих сил противника отходили к Кунгуру и были всего в 20—30 километрах от него.

Не дав отдохнуть нашим частям, командование 3-й армии поставило перед нами задачу перейти в решительное наступление с целью освобождения Красноуфимска и ликвидировать угрозу Кунгуру.

Южноуральские отряды с исключительным энтузиазмом и небывалым подъемом пошли выполнять первое боевое поручение командарма.

Развернувшись на широком 150—180-километровом фронте, нацелив удар на опорные пункты белых, отряды двинулись освобождать Урал. Энергичным ударом они

опрокинули белых и чехов, гнали их на десятки верст и в результате 20 сентября заняли Красноуфимск и 23 подошли к железнодорожной станции Шамара (120 километров к востоку от станции Кунгур). В этих боях отряды показали, что накопленный ими опыт борьбы на Южном Урале с дутовщиной не пропал даром, что они могут бить хорошо организованные части врага.

Все прибывшие отряды были объединены первоначально в 4-ю Уральскую дивизию, а эта дивизия впоследствии была переименована в 30-ю стрелковую дивизию, которая, храня традиции славных южноуральских партизан, вписала в историю много славных боевых страниц, на деле показала пример доблести и преданности делу пролетариата.

30-я дивизия всегда оставалась победительницей на полях сражений в хмурых горах Урала, широких степях Зауралья, в суровой тайге Сибири, во время штурма бетонных твердынь Чонгара и в ликвидации последнего оплота буржуазии — авантюриста Махно.

